

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПРАВЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОСУЖДЕННЫХ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В настоящей статье исследуется проблема исправления несовершеннолетних правонарушителей, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Автор рассматривает возрастную специфику подросткового периода как фактор, создающий уникальные возможности для ресоциализации, но одновременно порождающий риски рецидива при неэффективной организации воспитательного воздействия.

Ключевые слова: Несовершеннолетние осужденные, исправление, наказания без изоляции, подростковая девиантность, ресоциализация, пробация, семейное неблагополучие, педагогическое сопровождение.

Проблема подростковой преступности, оставаясь одной из наиболее чувствительных для любого общества, выводит на первый план фундаментальный вопрос о целях и средствах реакции государства на проступок несовершеннолетнего. Если в отношении взрослых дискуссия часто вращается вокруг дихотомии «кара – исправление», то в случае с подростком акценты неизбежно смещаются: наказание должно быть прежде всего воспитательным, а его высшая цель – не возмездие, а возвращение заблудшего ребенка на путь законопослушной социализации. Именно поэтому наказания, не связанные с изоляцией от общества рассматриваются как приоритетные в рамках ювенальной юстиции. Однако сам по себе отказ от тюрьмы не гарантирует исправления. Он лишь создает потенциальную возможность, реализация которой зависит от того, насколько правовая система готова работать с глубинной причиной девиантного поведения – не сформировавшейся личностью подростка, балансирующей между миром детства и взрослости, между зависимостью и бунтом, между поиском себя и побегом от себя. Возможность исправления несовершеннолетнего, осужденного без изоляции, – это не юридический факт, а сложный антропологический и педагогический процесс, успех которого определяется тонким взаимодействием права, психологии, педагогики и социальной работы.

Подростковый возраст – это период мощнейших трансформаций, когда личность обладает максимальной пластичностью, но и максимальной уязвимостью. С одной стороны, это время активного формирования мировоззрения, моральных принципов, жизненных целей, что открывает уникальное окно для позитивного воспитательного вмешательства. С другой стороны, это период обостренного чувства несправедливости, бунта против авторитетов, стремления к самоутверждению в группе сверстников, что при неблагоприятных обстоятельствах легко канализируется в антисоциальное русло. Преступление несовершеннолетнего – это чаще всего не результат глубокой криминальной ориентации, а симптом сбоя в процессе социализации, крик о помощи или следствие неспособности иными способами разрешить внутренний или внешний конфликт. Современное правосудие в отношении несовершеннолетних должно стать продолжением этого принципа – оно должно быть воспитательным по своей сути и охватывать все сферы жизни подростка. Исправление в таком контексте означает не просто «внушение страха перед законом», а восстановление нарушенных связей: с самим собой (формирование адекватной самооценки и самоконтроля), с семьей, со школой, с обществом в лице жертвы.

Основная масса наказаний, применяемых к несовершеннолетним без изоляции, – условное осуждение и обязательные работы. Их теоретический потенциал велик: подросток остается в привычной среде, продолжает учебу, не разрывает связи с семьей, но при этом находится под контролем и должен выполнять ряд обязательств. Однако на практике этот потенциал зачастую не реализуется. Исполнение условного осуждения сводится преимущественно к формальному надзору со стороны уголовно-исполнительной инспекции, сотрудники которой, перегруженные взрослыми условно осужденными, не имеют ни специальных знаний по подростковой психологии, ни ресурсов для организации полноценной воспитательной работы. Подросток периодически является на отметку, дает стандартные ответы («все хорошо, учусь, нарушений нет»), и система считает свою задачу выполненной, если не зафиксирован рецидив. Но отсутствие нового преступления – еще не показатель исправления. Это может быть лишь свидетельство временной адаптации к контролю. Подлинное исправление предполагает внутреннее изменение – осознание последствий своего поступка, развитие эмпатии к жертве, формирование навыков решения проблем законным путем. Для этого необходима интенсивная индивидуальная работа, которой в нынешней системе нет.

Ключевым институтом, от которого зависит судьба осужденного подростка, является семья. Любое наказание, исполняемое без изоляции, обречено на провал, если не затрагивает семейную систему, в которой сформировалось девиантное поведение. Часто требуется не просто «поставить родителей на учет», а провести глубокую семейную терапию, помочь родителям восстановить утраченный авторитет, научить их эффективным, не насильственным методам воспитания, разрешить внутренние конфликты между супругами, которые проецируются на ребенка. Без этого подросток возвращается в ту же токсичную среду, которая его породила. Вторая критическая сфера – образование. Для многих подростков-правонарушителей школа – это территория хронической неуспешности, отвержения и конфликтов. Принудительное требование продолжать учебу без создания специальных поддерживающих условий (индивидуальный учебный план, помощь психолога, коррекция педагогических отношений) лишь укрепляет негативное отношение к образованию и усиливает протест. Исправление через образование возможно только если школа станет для подростка местом, где он может пережить опыт успеха, признания и позитивной идентичности.

Особую надежду в контексте исправления несовершеннолетних вселяет философия и практика восстановительного правосудия. В отличие от карательной модели, где государство состязается с правонарушителем, восстановительный подход фокусируется на заглаживании вреда, причиненного жертве, и на активном вовлечении самого подростка в процесс осознания последствий своего поступка. Программы примирения «жертва-правонарушитель», семейные конференции, школьные восстановительные круги – эти технологии позволяют подростку не просто пассивно отбывать наказание, а активно участвовать в исправлении ситуации. Он слышит боль жертвы, видит реальный ущерб, участвует в выработке решения о заглаживании вреда. Этот процесс обладает огромным воспитательным потенциалом, поскольку обращается не к страху, а к совести и ответственности. Подросток получает шанс не быть заклеянным как «преступник», а восстановить свой статус в глазах общества через позитивные действия.

Таким образом, возможность исправления несовершеннолетних, осужденных без изоляции, напрямую зависит от способности государства предложить не набор санкций, а целостную систему воспитательного сопровождения. Эта система должна включать несколько обязательных элементов. Во-первых, это специализированная служба пробации для несовершеннолетних, укомплектованная подготовленными социальными работниками, психологами и педагогами, а не юристами-контролерами. Куратор (инспектор по пробации)

должен работать с небольшим количеством осужденных, что позволит ему глубоко вникать в ситуацию каждой семьи, составлять и реализовывать индивидуальный план реабилитации. Во-вторых, это обязательное включение в этот план семейной терапии и работы с родителями. Без изменения семейного климата все усилия будут тщетны. В-третьих, это тесное взаимодействие со школой и создание условий для образовательной и профессиональной интеграции (профориентация, помощь в трудоустройстве, наставничество). В-четвертых, это широкое внедрение восстановительных практик как альтернативы или дополнения к традиционным мерам.

Реализация такой модели требует преодоления глубоко укорененных системных барьеров. Это межведомственная разобщенность (органы правосудия, образования, социальной защиты, здравоохранения работают разрозненно), недостаток финансирования, дефицит квалифицированных кадров и, что не менее важно, инерция карательного мышления в обществе и среди самих правоприменителей. Общественное мнение, требующее «строгого наказать» подростка-правонарушителя, часто не понимает, что настоящая строгость – не в краткосрочной изоляции, а в долгосрочной, трудной и затратной работе по его исправлению.

В заключение, вопрос о возможности исправления несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества, имеет утвердительный ответ, но с оговоркой: да, исправление возможно, но только при условии коренной трансформации всей системы обращения с подростками-правонарушителями. Необходимо отказаться от иллюзии, что условное осуждение или воспитательная мера сами по себе магическим образом изменят личность. Они – лишь правовая рамка, внутри которой должна развернуться интенсивная, профессиональная, индивидуализированная воспитательная работа. Государство, выбирая в качестве меры воздействия отказ от изоляции, берет на себя повышенную ответственность – не просто контролировать, а активно помогать, направлять, поддерживать. Это путь более сложный и затратный, чем строительство колоний, но только он соответствует истинному смыслу ювенальной юстиции и гуманистическим принципам общества, которое видит в оступившемся ребенке не врага, а заблудившегося, которому нужно помочь найти дорогу. Будущее таких подростков и безопасность общества в долгосрочной перспективе зависят от нашей готовности инвестировать не в стены, отгораживающие их от нас, а в мосты, которые помогут им вернуться.

Список литературы:

1. Ушинский, К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии / К.Д. Ушинский. – М.: Педагогика, 2020. – 576 с. (Серия: Антология гуманной педагогики).
2. Выготский, Л.С. Педология подростка / Л.С. Выготский. – М.: Юрайт, 2021. – 408 с. (Серия: Антология мысли).
3. Карнозова, Л.М. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа / Л.М. Карнозова. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2022. – 288 с.
4. Мельникова, Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учебное пособие / Э.Б. Мельникова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2023. – 416 с.

